

УДК 94(470.67)+297

ВЗГЛЯД НА «ЛЕКИАНОБА» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ДАГЕСТАНСКИХ УЧЕНЫХ-БОГОСЛОВОВ XVIII В.**Мусаев М.А.***ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН»,
Махачкала, e-mail: mahachmus@yandex.ru*

В статье рассматриваются дагестанские арабоязычные правовые заключения ученых-богословов, посвященные военным походам горцев Дагестана в Закавказье против христианского (также шиитского) населения. Они получили распространение в конце XVI в. – середине XIX в., известны как «лекианоба» или «набеги». Изучение источников показывает, что в Дагестане они регламентировались как «газават». Если изучать проблему военных походов дагестанских горцев в Закавказье изолированно, только в контексте изучения местных арабоязычных источников, то можно прийти к следующим выводам: военные походы дагестанских горцев в Закавказье, были естественным продолжением рейдов, совершавшихся ранее в пределах современного Дагестана с целью приобщения населения к Исламу; походы регламентировались законами шариата; в XVIII в. существовала определенная тенденция к тому, что часть ученых-богословов начала считать, что газават в форме военных рейдов в Закавказье стал постепенно утрачивать свое регламентированное содержание.

Ключевые слова: лекианоба, газават, набег, мусульманское право**A LOOK AT THE «LEKIANOBA» IN THE CONTEXT OF A STUDY OF THE LEGAL CONCLUSIONS OF THE DAGESTANI ‘ULAMA’ OF THE XVIII CENTURY****Musaev M.A.***The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific
Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: mahachmus@yandex.ru*

The article discusses the Dagestan Arabic-language legal conclusions of the ‘ulama’ dedicated to military campaigns of the Dagestan highlanders against the Christian (and also Shiite) populations of Transcaucasia. They were known as «lekianoba» or «raids» and got spread at the end of the XVI – the middle of the XIX centuries. The study of sources shows that they were regulated in Dagestan as «ghazavat». If we study the problem of the military campaigns of Dagestanees to the Transcaucasia in isolation, in the context of researching the local Arabic sources only, it is possible to draw the following conclusions: the campaigns of Dagestanees in the Transcaucasia, were the natural extension of raids perpetrated earlier within modern Dagestan for the purpose of Islamization; raids were regulated by Sharia law; in the XVIII there was some tendency for the fact that some ‘ulama’ began to believe that ghazavat in the form of military raids to the Transcaucasia had been gradually losing its Sharia regulated content.

Keywords: lekianoba, ghazavat, raid, Islamic law

В период с конца XVI в. вплоть до середины XIX в. распространение получили военные походы горцев Дагестана в Закавказье. Они имели широкую географию, а объектами нападений являлись христианское население (в подавляющем большинстве) и шииты. Наиболее интенсивными военными походы стали в XVIII в., что можно связать с политическими процессами в регионе: османо-персидским противоборством, где дагестанские сунниты выступали естественными сторонниками султана – халифа правых; распрями закавказских владетелей, которые активно привлекали горцев в качестве союзников и наемников; агрессивными действиями закавказских правителей, обусловившими применение горцами тактики наступательной защиты; и др. Естественно, военные походы были обусловлены и внутридагестанскими социальными, экономическими, политическими и др. причинами.

Нападения дагестанцев не были масштабными как рейды турок или персов, но были достаточно частыми, чтобы наносить существенный вред, сопровождалась убий-

ством и пленением людей, захватом скота, уничтожением имущества. Отряды, совершавшие рейды, численно могли состоять из нескольких десятков, сотен, тысяч воинов. Наиболее крупные из них достигали двенадцати тысяч, а по некоторым сведениям даже тридцати.

В историографии вопроса имеются различные, часто противоположные, характеристики южных военных походов дагестанских горцев, ведется научная полемика об их природе, движущих силах, причинах, используется различная терминология, на основе фактов выстраиваются теории, а иногда факты подстраиваются под них. Наша задача, в рамках данного исследования, состоит в том, чтобы посмотреть на проблему через призму дагестанских арабоязычных источников, прежде всего правовых; рассмотреть вопрос в религиозной ее составляющей; показать, к каким выводам можно прийти, если рассматривать проблематику изолированно; обогатить источниковую базу, расширить представление исследователей о рассматриваемой проблеме.

В русскоязычной историографии в отношении военных походов горцев Дагестана в Закавказье используется несколько терминов. В последнее время преобладающим становится «набег» («набеги», «набеговая система»). В грузинской (советской и современной) научной литературе утвердился исторический термин «лекианоба». Он восходит к грузинскому этнониму «леки», обозначавшему в прошлом горцев Дагестана, и может быть условно переведен как «дагестанщина», «засилье дагестанцев». Дагестанские историки пользуются обоими терминами в равной мере. В местных языках – аварском, лакском, даргинском, – носители которого и составляли основную массу участников военных походов в Закавказье, для обозначения их исторически использовался и используется термин «чабхъен» (вар.: «чабхъен», «чабхъин», «чябхъин»), имеющий тюркские корни (со значением «военный поход», «налет», «набег», «атака», «нападение», ср.: чапгъын – на кумыкском яз.). Применение каждого из этих терминов в современных исследованиях может быть как мотивировано, так и подвержено обоснованной научной критике. Не углубляясь в полемику о терминологии, отметим, что в арабоязычных дагестанских письменных источниках походы дагестанских войск обозначаются термином «газават», а к участникам их применяется термин «гази».

Изначально термин газават (мн. ч. «газават») использовался в отношении военных операций Мухаммада с целью распространения и защиты Ислама. На этой основе выросло направление в мусульманской историографии – «магази», целиком посвященное данному аспекту деятельности Пророка. Впоследствии газават получил свое обоснование в шариате, и этим термином стали обозначать рейды против «неверных» в ходе военной конфронтации мусульманского мира со своим окружением [14, р. 1161]. Они могли носить как защитную, так и наступательную функцию. Под определение газавата могут подпадать как войны и походы с целью расширения «дар ал-Ислам» – территории политического господства мусульман, так и мелкие, зачастую разбойные нападения с целью наживы. Главное, чтобы они соответствовали общей цели – «ради религии». Участники рейдов назывались гази (мн. ч. «гузат») – «воители» или «борцы за веру». Их походы стали важной составляющей в деле распространения Ислама. В приграничье возникли корпорации газиев, которые существовали за счет добычи [15, р. 1043]. Подобные объединения имелись и на Восточном Кавказе.

Традиции газавата имеют в регионе глубокие корни; само приобщение дагестанских народов к Исламу тесно связано не только с превалировавшим здесь исламским призывом («да'ва», мн. ч. «да'ават») – мирным способом распространения религии, который был воспринят частью общин, но и походами газиев, которые заметно активизировались в XV–XVI вв. Из дагестанских центров сосредоточения «воителей за веру» (основные из них Гази-Кумух¹ и Хунзах) походы, с целью утверждения Ислама на территории Дагестана, осуществлялись вверх по течению Аварского Койсу и в бассейн Андийского Койсу, а также на сопредельные земли – бассейн р. Аргун и левобережье р. Алазань.

Одним из показательных примеров газавата, в контексте данного исследования, является поход хунзахских газиев под началом нуцала Турурава и его племянника Барти. В 1570 г. их войско через верховья р. Шаро-Аргун совершило рейд через Кавказский хребет в Тушетию. Им противостояли объединенные силы тушин, кахетинцев и цоватушин (бацбийцев), которые одержали верх в битве у с. Гиреви [1, с. 102; 2, с. 187–189]. Подобных примеров на протяжении XVI–XIX вв., когда в письменных источниках (официальная переписка, исторические сочинения) военные походы определяются как газават, можно привести множество. В их отношении используется именно этот, по своей сути юридический термин.

Об определенных успехах газавата в XVI–XVII вв. могут свидетельствовать приобщение к Исламу населения бассейна р. Аргун (с взиманием «хараджа» с части жителей), грузин-ингилойцев (получивших статус «ра'ийя»). Определенные успехи были достигнуты и в Тушетии (с ее населения взималась «джизья») [9, л. 45–52].

Походы газиев, изначально легитимизированные шариатом, осуществлявшиеся по его правилам, в XVIII в. претерпели определенные изменения, в частности в своих конечных целях. Предполагаемое несоответствие военных походов правилам ведения газавата вызвало реакцию дагестанских ученых-богословов, они задались

¹ Кумух – один из центров распространения Ислама в регионе, получил почетную приставку «Гази» к своему названию.

² Джизья (джизья) – подушная подать с иноверцев в мусульманских государствах, рассматривавшаяся правоведами как выкуп за сохранение жизни при завоевании [4]; Харадж – поземельный налог. Первоначально означал всякий налог и дань с покоренных и употреблялся как синоним джизьи [5]; Ра'ийя – податное, зависимое сословие, представители которого не имели права ношения оружия и владения земельной собственностью [13].

вопросом – соответствуют ли они нормам шариата. В середине XVIII в. мы наблюдаем интерес к данной проблеме в среде ученых-богословов Дагестана, выразившийся в нескольких формах.

Первая из них – дагестанские ученые-богословы, создававшие свои труды целенаправленно, реагируя на потребности общества, стали авторами трудов в жанре магази. В частности Хасан ал-Кудали (ум. в 1795 г.) [8, с. 65–66] «по просьбе ал-хаджжи Бухдана ал-Гумуки» написал «Манхул ал-Магази» («Просеянное о газаватах [Пророка]»), на основе «изучения источников, сборников хадисов «[Сахих ал-] Бухари» и «[Сахих] Муслим», а также достоверных книг по хадисоведению и сире, в том числе «Инсан ал-‘Уйун» ‘Али ал-Халаби». Во введении автор указывает, что в сочинении он «в лаконичной форме, без чрезмерности в слогов» пытается донести до читателя о «газаватах Пророка... Здесь можно почерпнуть знания о правилах ведения войны при газавате (выделено нами)»³. Примечательно, что в сочинении в разряд магази отнесены не только события времен Пророка, но и его асхабов (видевших Мухаммада и уверовавших в его пророческую миссию).

Вторая форма – это прямые правовые заключения, связанные с походами в Закавказье, в частности против грузинских иноверцев.

В Дагестане широкое хождение имело сочинение Дауда ал-Усиши (ум. в 1757 г.) [3, с. 55–64; 7] «Маса’ил Титалав ал-Каративааджвибат Дауд ал-Усиши» («Вопросы Титалава ал-Карати и ответы [на них] Дауда ал-Усиши»), содержащее около 50 вопросов ал-Карати и обстоятельных ответов ал-Усиши по широкому кругу насущных локальных проблем, связанных с применением мусульманского права [3, с. 157–158].

В одном из вопросов Титалав ал-Карати осведомляется, «можно ли отнести газиев нашего времени к истинным борцам за веру, когда мы знаем, что их целью является овладение трофеями («хавз», «ганаим»), а не возвышение слова всевышнего Аллаха и распределение милостыней, следуя Его путем» [10]. Дауд-хаджжи вынес следующее заключение: «В целом [действия] борцов за Аллаха [одобряются], если только найдутся [истинные] газии в наше время и в наших

краях. По моему мнению, газиев у нас нет, поскольку они ошибочно считают [народы] окружающие нас неверными, [с которыми необходимо воевать]. Такое заблуждение относительно Грузии (Курджистан) очевидно, как огонь, зажжённый ночью на [вершине] горы. Грузины это ни кто иные как подданные персов или турок. И как бы ни было, нам нельзя [проливать] их кровь и [посягать] на их имущество. Жителей Тушетии также относят к их подданным, так как платят джизью и харадж правителям их. Другие [соседние народы] постоянно находятся под покровительством одного из [мусульманских государств]. А если кто-то находится под покровительством одного из [мусульманских государств], даже если он раб, то запрещено нам [проливать] их кровь, [посягать на] их имущество, [брать] их в плен» [3, с. 158].

Данное суждение вызвало ряд интерпретаций в отечественной историографии, где Дауд ал-Усиши характеризовался как «прогрессивный ученый» [6, с. 24]. Во многом они были основаны на анализе его правовых работ известным исследователем дагестанской истории ‘Али ал-Гумуки (Каяевым), который написал: «Давуд-эфенди, будучи по своим взглядам свободомыслящим человеком, высказывал их открыто, не боясь выражать свое несогласие перед обществом в идейных вопросах. Так, приведем пример.

Во времена Давуда-эфенди и ранее все (выделено нами) дагестанские алимы одобряли и выносили разрешающие решения (фетва) на ведение военных действий и нападений дагестанцев против своих соседей грузин, и они (жители Дагестана), объединяясь под командованиям известных главарей в отряды, ежегодно совершали набеги на Грузию (Гюрджистан), брали в плен грузин, грабили и захватывали их имущество. Давуд-эфенди же доказывал и заявлял о том, что такие грубые действия противны человечности, и сколь противны человечности, столь же противны с точки зрения закона шариата.

Однако дагестанское население, привыкшее к набегам и грабительству, не прислушивалось к его фетвам, и Давуд-эфенди оставался одиноким и единственным (выделено нами) из многих других. Оно прислушивалось только к тем другим дагестанским алимам, которые защищали ведение военных действий и грабежи, считали их допустимыми по шариату (мешру’) и утверждали о том, что это весьма благое дело»⁴ [11, л. 14–16].

³ حسنالكذالى. منخولالمغازي. – مخطوط (Хасан ал-Кудали. Манхул ал-Магази (Просеянное о газаватах [Пророка]). Рукопись на арабском языке. Место хранения: Рукописный фонд Института, истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. – Ф. 14. – Оп. 1. – № 764. Сборная рукопись, лл. 1–46; 19 строк на странице; формат 19 X 22 см.). Переписана «с копии, которая была копией с автографа» в 1232 г. х. (1816/17 г.). Известны иные списки данного труда.

⁴ Отрывок сочинения «Тераджим-и ‘улема’ и Дагыстан» («Биографии дагестанских ученых-алимов»), написанного на турецком (османском) языке ‘Али ал-Гумуки (Каяевым). Перевод Г. М-Р. Оразаева.

Ответы Дауда ал-Усиши на вопросы своего современника Титалава ал-Каративывзвали в научной среде резонанс, приобрели популярность, впоследствии были прокомментированы известным знатоком мусульманского права Ибрахимом ал-‘Уради (ум. в 1760/61 г.) [3, с. 155; 7].

В целом Ибрахим-хаджи согласился со многими заключениями Дауда-хаджи на вопросы Титалава, видимо, по этой причине ответил только на четырнадцать из них, высказав свою точку зрения.

Относительно вопросов военных походов в Закавказье Ибрахим-хаджи ал-‘Уради выступил с противоположной позиции. Признавая, что, если считать, что Грузия находится под дланью имама (халифа правоверных), то ответ очевиден, – он соответствует мнению ал-Усиши о недопустимости нападений, он в целом раскритиковал суждения своего современника, пытаясь быть аргументированным:

«1. Если Грузия находится в руках шиитов (кизилбаш), то возникает заминка, потому как мы не допускаем, что действия не признающих власти халифа правоверных (бугат) соответствуют шариату, т.к. они считают дозволенным то, что без сомнений является запретным⁵.

2. Халиф ‘Усман завоевал Тифлис⁶, а это резиденция правителей, соответственно вся Грузия считается покоренной. Правление над этой территорией законно перешло к халифам правоверных, а они (грузинское население) нынче не подчиняются. Если де-факто они не под дланью османского государства, то де-юре находятся. Они должны подчиниться, т.к. они нарушают договор, их следует принудить к его выполнению.

3. Если мы теоретически допустим действительность договора шиитов (кизилбаш) с грузинами, [по которому последние находятся под покровительством первых], то этим мы теоретически признаем, что допускаем возможность не подчинения шиитов (равафид) имаму правоверных.

4. Даже если так, то признано в наше время, что жители областей Грузии помогают не подчиняющимся власти халифа (бугат), отбирают имущество мусульман (жителей Османской империи и Цора⁷), на-

падают на них, тем самым становятся воюющими с мусульманами и Исламом.

5. Что касается тушин, то ответ здесь не так однозначен, [как заключил ал-Усиши], и требует осмысления. В соответствии с установленными условиями выплаты джизьи, она взимается с людей писания или с приравненных к ним⁸. А мы знаем, что тушины не являются таковыми по нашему опыту общения с пленными из их числа и сообщениям тех, кто жил среди них. Собственно ни джизью, ни харадж с них получать нельзя, они должны принять Ислам⁹.

Цитируемый выше текст является разъяснением ал-‘Уради к своему заключению «являются ли газии нашего времени истинными борцами за веру». В тексте ответа на вопрос Титалава ал-Карати Ибрахим-хаджи был краток и емко, признав их настоящими воителями за веру: «Одной из основных задач газавата является получение трофеев, однако действия воителей за веру включают в себя и распространение религии Аллаха. Внешне их действия можно квалифицировать как войну за веру, т.е. они считаются газиями¹⁰.

Ибрахима ал-‘Уради относят к числу выдающихся правоведов Дагестана. Все, без исключения дагестанские авторы XIX – нач. XX в., обратившиеся к теме жизни и творчества дагестанских ученых-богословов, высоко оценивают его квалификацию. В частности ‘Али ал-Гумуки (Каяев) в «Тараджимулама ‘и Дагистан» писал: «знания (ал-Усиши) в вопросах фикха не впечатляли так, как (знания в вопросах фикха) шайха ал-хаджи Ибрахима ал-‘Уради)». Вместе с тем этот же автор указывал: «Однако он (ал-‘Уради) не был застрахован от некоторых ошибок. Одним из таких просчетов, по моему мнению, следует считать суждение ал-хаджи Ибрахима о дозволенности мусульманам Дагестана смертоубийства (букв. крови) христиан из Грузии (Курджистан), пленения их женщин и присваивания их имущества. Он даже сам вел туда отряды, напал, убивая их, беря

⁸ Иудеи, христиане и зороастрийцы.

⁹ ابراهيم العرادي. [تقرير]. – مخطوط. (Ибрахим ал-‘Уради. [Такрират] ([Правовое] заключение). Место хранения: Частная библиотека И. А. Каяева (г. Махачкала).

¹⁰ مسائل محمد بن تلو الكراطي و اجوبة ابراهيم العرادي. – مخطوط. (Ибрахим ал-‘Уради.

⁵ Т.е. ал-‘Уради не считает государство шиитов легитимным.

⁶ По сообщению арабского историка ат-Табари, арабы под командованием Хабиба ибн Масламы совершили поход в Картли, захватили Тбилиси и выдали населению фирман о безопасности, или «защитную грамоту». Этот поход арабов датируется 644–645 годами. [12, с. 78].

⁷ Территория Джаро-Белоканского союза общин (впоследствии Закавказский округ), где политически доминирующей частью населения были аварцы – сунниты.

[Маса’ил Мухаммад б. Титалав ал-Каративааджибат Ибрахимал-‘Уради] (Вопросы Мухаммада б. Титалава ал-Карати и ответы [на них] Ибрахима ал-‘Уради). Рукопись, на арабском языке. Место хранения: Рукописный фонд Института, истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. – Ф.14. – Оп.2. – № 2610. Сборная рукопись, лл. 346-396; 11 строк на листе; формат 18 X 21,5 см. Переписчик: Хидир-бек; дата переписки: «в месяце мухаррам 1282 г.х.», что соответствует 27.05-25.06.1865 г. по григорианскому календарю.

в плен и захватив их имущество, возвращался в Дагестан»¹¹.

Вообще в дагестанских исторических сочинениях, хрониках, записях, официальной переписке военные походы в Закавказье характеризуются как «газават и приобретение добычи». После успешного рейда возникал вопрос о справедливом распределении трофеев. Этот вопрос достаточно хорошо разработан в шафиитскоммазхабе и на этот счет нет разночтений между мусульманскими правовыми школами. «Ганима» (мн. ч. «ганаим» – «трофеи, захваченные при газавате») делится на пять частей, одна из которых называется «хумс» (букв.: «пятая часть», «пятина»). Хумс, по примеру времен Мухаммада, делится в свою очередь также на пять равных частей и распределяется следующим образом:

1. Пророку. При его жизни эта часть ганима поступала в личное распоряжение Мухаммада и его семьи, оставшееся же после расходования он передавал «во благо мусульман».
2. «Зи-л-курба», поступает родственникам Пророка и его потомкам.
3. «Айтам» – сиротам и вдовам.
4. Беднякам и страждущим.
5. Путникам на пути Аллаха. Остальные

4/5 части трофеев делятся в равных долях между всеми участниками похода, с одним лишь условием, что конный получает в три раза больше, чем пеший. Следует также отметить, что четко регламентируются и расходы хумса. Например, существуют определенные преференции женам и детям погибших участников походов¹². Эта регламентация общеизвестна для мусульманских правоведов, но возникали конкретные ситуации, прецеденты, которые четко не определены и требовали вынесения решения сведущим ученым. Подобные вопросы мы находим среди заданных Титалавом Дауду ал-Усиши¹³:

«Можно ли хумс выплатить не натурой, а деньгами?» Ответ: «Если заранее заключить договор, то можно. Без одного – нельзя» (Вопрос 39).

«Получает ли плату тот, кто присматривает и охраняет еще нераспределенные трофеи, как, например, смотрители за закатом?» Ответ: «Нет, плата не полагается» (Вопрос 43).

¹¹ عالغموقي. تراجملاءءداغستان. – مخطوط. (Али ал-Гумуки (Каяев). Тараджимулама'и Дагистан («Биографии дагестанских ученых-богословов»). Рукопись, на арабском языке. 150 л. Место хранения: Частная библиотека И.А. Каяева (г. Махачкала).

¹² См. шафиитские труды: «Минхаджат-Талибин» Мухйи ад-Дина ан-Навави и комментарии к этому труду, в том числе наиболее востребованные в Дагестане в тот период: «Тухфат ал-Мухтадж» Ибн Хаджараал-Хайтами и «Нихайат ал-Мухтадж» Шамс ад-Дина ар-Рамли, а также «Канз ар-рагибин» Мухаммада ал-Махалли и др.

¹³ О списках данного сочинения см. монографию Алхасовой Д.М. [3, с. 154–158].

«Если те, кто получили трофеи, из-за опасности бросили их, и если один из них спас это имущество, он становится хозяином или он должен получить определенную плату?» Ответ: «Имущество он не получает, если случай произошел до распределения трофеев между их обладателями, и если это не было оговорено. Если получение платы за обеспечение сохранности имущества и его доставление было оговорено, тогда он получает плату» (Вопрос 44).

«Обязан ли человек возместить потери, если кто-нибудь уничтожил трофейное имущество или убил захваченных [в плен], находившихся у него в руках во время опасности, при этом обязавшись доставить [трофеи и пленных] за плату или без таковой? Каково решение?» Ответ: «Обязан возместить, если проявил халатность. Главное – есть ли на нем вина. Если не допустил халатности, то не обязан возмещать» (Вопрос 45).

«После захвата трофеев, дошли до поселения Мамлахар, разделили добычу, но после этого рабы сбежали, имущество украли, или же рабов отобрали в дороге, а имущество украли, должны ли возмещать хумс?». Ответ: «Не должны, если добросовестно охраняли имущество» (Вопрос 6).

«Могут ли предводители брать часть трофеев, оговорив заранее его размер? Они должны получать из общей доли или из хумса, каково решение?». Дауд ал-Усиши отвечает: «Можно, дозволено. Они могут брать только с хумса» (Вопрос 22).

На последний вопрос ответил и Ибрахим ал-Уради: «Это называется сафий ал-муганнам и дозволялось только Пророку», т.е. нельзя¹⁴.

В данном случае, вопросы являются более показательными, чем ответы. Сама их формулировка и тематика демонстрируют, что раздел трофеев производился (или, по крайней мере, существовало стремление) в соответствии с правовыми установлениями господствовавшего в Дагестане шафиитскогомазхаба (одна из четырех мусульманских правовых школ). Это обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что военные походы в Закавказье регламентировались мусульманским правом, что они воспринимались как газават.

Если рассматривать проблему военных походов дагестанских горцев в Закавказье изолированно, только в контексте изучения местных арабоязычных источников, то можно прийти к следующим выводам:

1. Военные походы дагестанских горцев в Закавказье были естественным продолжением рейдов, совершавшихся ранее

¹⁴ См.: Примечание 10.

в пределах современного Дагестана, с целью приобщения населения к Исламу.

2. В отношении рейдов в Закавказье (объектами которых служили христиане и шииты) использовался термин газават, походы регламентировались законами шариата.

3. В XVIII в. существовала определенная тенденция к тому, что часть ученых-богословов начала считать, что газават в форме военных рейдов в Закавказье постепенно стал утрачивать свое регламентированное шариатом содержание.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (№ 13-01-00248).

Список литературы

1. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. – Махачкала, 1990. – 176 с.
2. Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии XVI–XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. – Махачкала, 1980. – С. 181–196.
3. Алхасова Д.М. Дауд Хаджи ал-Усиши: жизнь и творческое наследие. – Махачкала, 2006. – 271 с.
4. Большаков О.Г. Джизья // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 65.
5. Большаков О.Г. Харадж // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 273.
6. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1989. – 158 с.
7. Мусаев М.А., Шехмагомедов М.Г. Жизнь и творчество дагестанских ученых-богословов XVIII в. (ал-Усиши, ал-Уради, ал-Аймаки и ал-Мачади) в местных арабоязычных биографических сочинениях XIX – начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3; URL: www.science-education.ru/109-9211 (дата обращения: 13.10.2013).
8. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых = A Journey of the mind through the biographies of the Islamic scholars of Daghestan: Дагестанские ученые и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. – М.: Издат. дом Марджани, 2012. – Ислам в России и Евразии = Islam in Russia and Eurasia / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра Российской акад. наук, Амстердамский университет). – 208+223 с.
9. О принятии в подданство России сыновей Султана Ахмет хана, наследников Аварского ханства (1828–1830) // Центральный государственный архив Грузии. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 50. – 297 л.
10. Омаров Х. А. О полемических статьях по мусульманскому праву // Рукописная и печатная книга в Дагестане. – Махачкала, 1991. – С. 65–69.
11. Оразаев Г.М.-Р. Сочинения биографического жанра (по материалам тюркоязычных рукописей Дагестанского происхождения) // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 890. – 85 л.
12. Силагадзе В. К датировке «защитной грамоты» Хабиба ибн Масламы // «Мацне». – 1971. – № 1. – С. 77–80 (на грузинском языке).
13. Bosworth C. E. Ra'iyaa // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 1995. – Vol. VII. – P. 403–404.
14. Hinds M. al-Maghazi // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – Vol. V. – P. 1161–1164.
15. Melikoff I. Ghazi // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 1991. – Vol. II. – P. 1043–1045.

References

1. Ajtberov T.M. *DrevnijHunzah i Hunzahcy* (Ancient Khunzakh and Khunzakhians). Makhachkala, 1990. 176 p.
2. Ajtberov T.M. *Istochnikipoistorii Avarii XVI–XVII vv.* (The Sources on the History of Avaria of the XVI–XVII centuries). *Razvitie feodalnyhotnoshenij v Dagestane* (The development of feudalism in Dagestan). Makhachkala, 1980, pp. 181–196.
3. Alhasova D.M. *DaudHadzhzhi al-Usishi: zhizni tvorcheskoe nasledie* (DaudHadji al-Usishi: The Life and the Heritage). Mahachkala, 2006. 271 p.
4. Bolshakov O.G. *Dzhizja*(Jizya). In the: *Islam: Jenciklopedicheskij slovar* (Islam: Encyclopedic Dictionary). Moscow, 1991, p. 65.
5. Bolshakov O.G. *Haradzj*(Kharaj). In the: *Islam: Jenciklopedicheskij slovar* (Islam: Encyclopedic Dictionary). Moscow, 1991, p. 273.
6. Kajmarazov G.Sh. *Prosveshhenie v dorevoljucionnom Dagestane* (Public education in a pre-revolutionary Dagestan). Mahachkala, 1989. 158 p.
7. Musaev M.A., Shehmagomedov M.G. *Zhizni tvorchestvo dagestanskih uchenyh-bogoslovov XVIII v. (al-Usishi, al-Uradi, al-Ajmaki al-Machadi) v mestnyh arabozjazychnyh nyhbiograficheskij sochinenijah XIX – nachala XX v.* (The Life and Work of the Dagestan theologians of the XVIII century (al-Usishi, al-Uradi, al-Aymaki, al-Machadi) In Local Arabic-Language Biographic Compositions of XIX – Early of the XX Century). *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2013, no. 3. Available at: www.science-education.ru/109-9211 (accessed 13 October 2013).
8. Nazir ad-Durgeli. *Usladaumov v biografijah dagestanskih uchenyh = A Journey of the minds through the biographies of the Islamic scholars of Daghestan: Dagestanskieučehnye I ihsochenija / per. s arab., komment., faks. izd., ukaz. bibliogr. podgot. A.R. Shihsaidovym, M. Kemperom, A. K. Bustanovym.* – Moscow, Izdatelskijdom Mardzhani, 2012. *Islam v Rossii i Evrazii = Islam in Russia and Eurasia / Institutistorii, arheologii i jetnografii Dagestanskogo nauch. centra Rossijskajakad. nauk, Amsterdamskijuniversitet*). 208+223 p.
9. *O prinjatii v poddanstvo Rossiisynovej Sultana Ahmethana, naslednikovAvarskogo hanstva (1828–1830)* (The adoption of Russian citizenship to the children of Sultan Ahmet Khan, and the heirs of the Avar Khanate (1828–1830). *Centralnyj gosudarstvennyj rhivGruzii* (National Archive of Georgia). F. 2. Op. 2, D. 50/ 297 p.
10. Omarov H.A. *O polemicheskijh statjah po musulmanskomu pravu* (About polemical articles on Islamic law). *Rukopisnaja i pechatnajakniga v Dagestane* (Handwritten and printed book in Dagestan). Mahachkala, 1991, pp. 65–69.
11. Orazaez G.M.-R. *Sochinenija biograficheskogo zhanra (po materialam tjurkoja zychmyhrukopisej Dagestanskogo proishozhdenija)* (Biographical genre works (based on the study of the Dagestan Turkic manuscripts). *Rukopisnyj fond Institutaistorii, arheologii ijetnografii Dagestanskogo NC RAN*. F. 3. Op. 1. D. 890.85 p.
12. Silagadze V. *K datirovke «zashhitnoj gramoty» Habibai bn Maslamy* (For the dating of the «Protective letter» of Habib IbnMaslamah). *Macne*, 1971, no. 1, pp. 77–80 (in Georgian).
13. Bosworth C. E. Raiyya. *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden, E. J. Brill, 1995, Vol. VII, pp. 403–404.
14. Hinds M. al-Maghazi. *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden, E. J. Brill, 1986, Vol. V, pp. 1161–1164.
15. Melikoff I. Ghazi. *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden, E. J. Brill, 1991, Vol. II, pp. 1043–1045.

Рецензенты:

Закарьяев З.Ш., д.и.н., профессор кафедры арабской филологии Дагестанского государственного университета, г. Махачкала;
Магомедов Н.А., д.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 29.11.2013.